

— Е Цзы, оставайся дома, побудь с дедушкой Е. После снега на дорогах скользко, да и сегодня дел особых нет. Старшая сестра Сун сказала, что в день Китайского Нового года обычно спокойно.

— Ладно, тогда на дороге будь осторожен. — Е Цзы собирался сводить дедушку в уезд погулять, но из-за ночного снегопада пришлось отказаться. Предложение Ван Шуцзе пришлось ему как нельзя кстати, и он не стал церемониться.

Обернувшись, он сказал дедушке пару слов. Е Вэньбо засмеялся:

— Дедушка уже старый, кости ноют, что тут гулять. И ты чего остался дома со мной сидеть? Кстати, ты раньше говорил про компьютер? Может, сходишь, согласишься, привезешь один домой. — Он был уже стар и не разбирался в таких вещах, но слышал от Сяо Цзы, что компьютер вещь важная.

— Дедушка, не спешите. Компьютер купим, но без интернета толку мало, лучше подождем. — Е Цзы улыбнулся, глядя, как Цюцю и Сяо Лан — два маленьких зверя — оставляют следы на снегу, а Туаньцзы свернулся калачиком у жаровни и даже шевелиться не хочет.

Ван Госинь с женой волей-неволей поверили, что работу племяннице устроил действительно Ван Шуцзе, и что он сам там тоже подрабатывает. Конечно, это была заранее согласованная легенда. Кроме двоих стариков, правду знали только Янь Ци с мамой. Ван Айчжэнь тайно радовалась, что не зря любила племянника, в конце концов именно он помог своей дочери.

Ван Айчжэнь очень хорошо ладила с первой женой брата, между невестками было о чем поговорить. Но с нынешней женой отношения были довольно прохладными. Она была деревенской, свету не видела, но человеком была не глупым и давно поняла, что нынешняя невестка смотрит на их семью свысока, поэтому старалась к ней не лезть, чтобы не получать холодный отпор. Вкупе с этим и чувства к брату Ван Госиню стали не такими теплыми, как раньше.

— Мам, мы в деревне слышали, какой-то крупный начальник взял в аренду гору в нашей Таоюань. Это правда, как в Дунваньчжэне? И почему слышно, что всё отдали дяде Е на управление?

Бабушка Ван прищурилась от улыбки:

— А как же тот самый крупный начальник. Раньше он уже заходил к твоему дяде Е, он со Сяо Цзы дружит, Сяо Цзе его тоже видел. Этот начальник верит твоему дяде Е и Сяо Цзы, вот и поручил им всё вести. — На самом деле она знала, что никакой это не крупный начальник, а просто отговорка. Настоящие владельцы — дед с внуком из семьи Е. Но происхождение этих денег нельзя было афишировать, чтобы некоторые не позавидовали и не нагрянули с претензиями. Бабушка Ван понимала, где опасность, поэтому даже дочери об этом не сказала.

— Какой еще начальник? — у Ван Госиня и Ло Фэнцзюань уши встали торчком. В семье Е завели влиятельные знакомства?

— Говорят, молодой совсем, бодрый парень. В прошлом году на машине к нам в Таоюань приезжал. Кстати, в уезде тоже вложился. Наш Сяо Цзе просто благодаря Сяо Цзы в доле падает. — радостно сказала бабушка Ван.

Янь Ци этому верила. Проработав в универмаге столько дней, она отлично знала, насколько мощная поддержка у их отдела. Даже менеджер Юй из универмага проявлял к их ларьку

особое внимание. Иначе бы такое хорошее место не досталось двум студентам, Сяо Цзы и Сяо Цзе, еще не окончившим школу.

Е Вэньбо и Е Цзы тоже вышли из дома погулять по деревне, поздравить соседей, поболтать. Е Вэньбо был в новой одежде, что вызвало завистливые взгляды и похвалы, говорили, что Е Цзы рассудительный и почтительный сын, от чего стоящий рядом Е Цзы покраснел до ушей.

За это время кое-кто спрашивал об аренде и найме. Перед праздниками Е Вэньбо уже распространял слухи: некоторые молодые люди, работающие в городах, вернувшись и услышав от стариков, решили остаться. Столько земли и целая гора — это не то, что несколько людей смогут быстро привести в порядок, точно придется нанимать на постоянной основе.

— Как только в первом месяце по лунному календарю можно будет начинать работы, нужно будет нанимать людей наводить порядок. Не обойтись без помощи односельчан. Один старик сколько сделает? Да и Сяо Цзы нужно учиться. Я еще перед Новым годом договорился со старым Линем: кто захочет помочь, пусть к нему идет записываться. Разумеется, нельзя заставлять людей работать бесплатно.

— Верно, старый Е мне перед Новым годом говорил. Полный рабочий день — тридцать юаней в день. Работа, конечно, нелегкая, но и платят немало. В городе у чиновников зарплаты и то меньше тысячи в месяц, а обычные рабочие получают всего несколько сотен. Старый Е один дома не справится, поэтому еду мы не предоставляем. — ввернул деревенский староста Линь. — Поэтому я вам, односельчане, скажу как есть: ради такой высокой зарплаты лентяев и тех, кто не хочет работать, мы не возьмем.

— Еда — дело десятое, дом же рядом, не стоит об этом беспокоиться.

— А кто будет деньги получать, а работы не делать, другие этого не потерпят. Кто захочет с таким работать?

— Мы что, люди ненадежные? Староста, можно мне уже записаться?

— Эй, ты слишком хитер! Нет, старый Линь, погляди на меня: я хоть и не молодой, но в работе на земле ваши молодежи не сравнятся со мной по сноровке. Можно мне записаться? — пятидесятилетний мужчина с надеждой смотрел на старосту Линя.

— С твоим здоровьем ты на гору полезешь? Шабаш, лучше я пойду. Староста, я молодой, силы у меня много.

...

Староста Линь косо посмотрел на Е Вэньбо и пришлось ему развернуться и позвать своего сына Линь Хаймина, чтобы тот взял блокнот и записал желающих поработать.

Кто-то записывался и шел звать других. Неважно, возьмут или нет, имя нужно записать. Если в семье смогут работать двое, то за два месяца заработают больше, чем за год тяжелого труда в поле. Многие остались и стали обсуждать, судя по телевизору и газетам, что делается в мире, особенно те, кто работал в городах, знали больше новостей, предлагали немало идей, как развивать гору.

Сейчас снаружи дорогу чинят, деревня Таоюань больше не такая глухая, как раньше. Аренда земли и горы пришлась очень кстати. Нашлись и желающие: хоть и нет денег арендовать целую гору, но если несколько дружных семей объединятся, то это тоже выход.

— В Дунваньчжэне разве не цветы собираются сажать? Слышал, в уезде еще рынок оптовой торговли цветами откроют. Мы в деревне тоже можем сажать, выращенное продадим, сами искать покупателей не придется.

— Зерно да овощи сажать — это понятно, а кто цветы сажать умеет? Вещь-то нежная, капризная.

— Может, съездим в Дунваньчжэнь разузнаем? Староста Линь, как тебе идея? Наша деревня могла бы поучиться у других опытом.

Старый староста с видом знатока сказал:

— Не спешите. Большой начальник уже намекнул, что этой весной, если кто захочет сажать цветы или лекарственные травы, они пришлют людей учить мастерству. Но если захотите сажать, придется подписать договор с их компанией, нельзя самовольно браться, иначе начальник не станет покупать, придется самому искать сбыт, да и до суда не далеко.

— Правда?! — всех охватила радость.

— А как же? Не верите — спросите у старого Е и Сяо Цзы. Большой начальник той компании и есть тот, кто арендовал гору у нас в деревне.

Е Вэньбо и Е Цзы мгновенно оказались окружены деревенскими. Когда наконец отделались от всех, на лбу даже в такой мороз выступил пот.

Внук старосты, весь мокрый от пота, прибежал обратно:

— Дедушка, бегом смотреть шаманку! Шаманка будет танцевать, ловить духов! — Мальчонка по прозвищу Сяо Гуан, а по паспорту Линь Гуангуан, зоркий глаз заметил Е Цзы, подбежал и потянул его за руку на улицу:

— Братик Е Цзы, пошли скорее, опоздаем — не протиснемся.

Люди тут же поняли. Шаманку пригласили. Е Вэньбо нахмурился и сказал внуку:

— Сяо Цзы, сходи посмотри, что там, потом вернись дедушке расскажешь.

— Хорошо. Сяо Гуан, не беги так быстро, упадешь. — Е Цзы пошел вперед, подчиняясь рывку Сяо Гуана, и обернулся.

Почему у ребенка такое имя, звучащее не очень благоприятно? Корни уходят к его отцу, то есть к Линь Хаймину. Его первый ребенок с Бао Лили не выжил. Когда она носила второго, Линь Хаймин почему-то пристрастился к азартным играм. Родные его и ругали, и били — бесполезно. Бао Лили от гнева родила раньше срока, и при рождении дала сыну имя Гуангуан — «пусто», и долго не разговаривала со своим мужем.

Увидев, что второй сын тоже едва не погиб, Линь Хаймин одумался. Бабушка Линь считала имя внука неудачным и хотела сменить, но старый староста постановил: менять не надо, пусть останется, чтобы служить напоминанием отцу, как бы тот не забыл свои ошибки через пару дней хорошей жизни. Пусть сын напоминает ему всю жизнь.